

Умед Тохири

Я – человек!

*О том, как
остаться
человеком,
испытав пытки
и унижения*

Умед Тохири

**Я – человек! О том, как
остаться человеком,
испытав пытки и унижения**

«Издательские решения»

Тохири У.

Я – человек! О том, как остаться человеком, испытав пытки и унижения / У. Тохири — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966775-5

Книга рассказывает о реальных событиях, произошедших с автором. Он был обвинен в экстремизме и подвергался пыткам и бесчеловечному обращению. Несмотря на испытания, которые неожиданно обрушились на его голову, автор сохранил свое человеческое достоинство и делится этим, чтобы люди узнали правду о том, что происходит в закрытых учреждениях. Автор не теряет надежды, что все изменится к лучшему. И эта книга является скромным вкладом в будущие изменения системы дознания и исполнения наказания.

ISBN 978-5-44-966775-5

© Тохири У.
© Издательские решения

Содержание

Я – ЧЕЛОВЕК!	6
ЧЕРНЫЙ СПИСОК	7
ЭЛЕКТРОШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Я – человек!
О том, как остаться человеком,
испытая пытки и унижения

Умед Тохири

© Умед Тохири, 2019

ISBN 978-5-4496-6775-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я – ЧЕЛОВЕК!

О том, как остаться человеком, испытав пытки и унижения.

ЧЕРНЫЙ СПИСОК

Утром 15-октября 2016 года, в 04:30, я должен был улететь в Москву из Бишкекского аэропорта «Манас». Но меня отказались регистрировать на рейс – я оказался в черном списке. Основание – запрет на въезд на территорию РФ сроком на пять лет. Инициатор – ФСБ России.

Десять дней назад я пересекал российско-казахскую границу для того, чтобы заново въехать в Россию и получить патент для работы. Срок действия моего прежнего патента истек, и мне необходимо было продлить его. Для этого необязательно было выезжать. Достаточно было собрать необходимые документы в установленный срок, и передать в ММЦ «Сахарово» – патент продлили бы без проблем. Но не в моем случае. Я поступил именно так, но в «Сахарово» отказались принять мои документы. Заявили, будто я опоздал по срокам, и рекомендовали пересечь границу. Все было сказано так вежливо и убедительно, что у меня не возникло никаких подозрений. Хотя по срокам я вполне успевал, даже с запасом. Но я поверил, и поехал на границу. А тут меня не пустили обратно в Россию. Запрет на въезд. Никаких объяснений. Просто ФСБ не хочет впускать меня в страну – «в интересах национальной безопасности».

Поначалу я подумал, что это из-за каких-то ошибочных штрафов. Но я точно знал, что такого у меня не было. Ни штрафов, ни левых регистраций. У меня все было легально. Я не имел никаких «косяков». Офицер-пограничник пояснил только, что ФСБ штрафами не занимается. И если мне запретили, то это может означать, что моя личность, возможно, представляет общественную опасность. В предъявленном мне уведомлении было так и написано: «...в интересах национальной безопасности...».

Ночью российские пограничники передали нас своим казахским коллегам. К тому времени нас собралось уже человек шесть. Казахские погранцы продержали еще пару часов, и отправили в населенный пункт Погодаево. Там у них вроде как застава находится. На КПП нам протянули журнал, где мы расписались, но паспорта нам отказались возвращать.

– Почему не отдаете наши паспорта? – стал я права качать. Остальные пятеро стояли как воды в рот набрали.

– А вдруг вы опять направитесь к российской границе, – ответил казахский пограничник. – Вы больше не имеете право туда идти.

– Да, пожалуйста, – продолжал я. – Мы и не собираемся туда идти. Верните наши паспорта! Как мы домой уедем без них?

– Вы с водителем договорились? – спросил пограничник, указывая на водителя легковушки, на которой нас привезли.

– О чем? – поинтересовался я.

– Он вас до трассы отвезет. Мы должны убедиться, что вы точно уедете домой.

– А зачем нам водитель? Он по тысяче рублей с человека просит. Такой цены даже в Москве нет. Вы что, тут бизнес устроили? Верните наши паспорта! Мы пешком сами дорогу найдем.

В темноте ничего не было видно. Абсолютно. Около КПП горела лампочка на столбе. А вокруг несколько частных домов. Издали можно было слышать звуки проезжающих грузовых машин. Судя по громкости этих звуков – до трассы минут десять-пятнадцать пешком.

Пограничник продолжал настаивать на своем:

– По пограничной зоне вы не имеете право передвигаться пешком.

– Так организуйте технику! Это ваша обязанность!

– Вон стоит такси! Договаривайтесь!

– Так это ваш водитель. Тут нет других машин. Вы тут установили свои цены, и требуете. У нас нет денег. Мы не согласны на эту сумму, – у меня на самом деле не было денег. Шесть

тысяч российских рублей я отдал таксисту за поездку из Москвы и обратно. А он уехал без меня. В кармане у меня оставалось сто рублей. И все.

– Ты что, самый умный здесь?

– Так не дурак же.

– Чо ты здесь права качаешь. Все молчат, а ты чо дергаешься? Все находят бабки. Вы тоже найдете, если надо, – громко произнес пограничник.

– Слышишь, ты, что разорался? Ты кто такой? Позови сюда дежурного офицера! Я буду с офицером говорить. Вы не имеете право нас тут держать. Паспорта верни!

Пограничник закрыл окошко на дверях КПП. Пропал на некоторое время. Затем открылась дверь, и пограничник вышел вместе с водителем:

– Он вас за тысячу рублей отвезет до автобусной остановки. Если вы на это согласны, я отдам ваши документы.

– Тысяча с человека или как? – спросил я.

– Тысяча за всех шестерых. Пойдет так?

Все мои попутчики сразу согласились. Я вытащил из кармана свои сто рублей и показал его другим:

– У меня только сто рублей.

Одна молодая девушка, русская, тоже гражданка Таджикистана, протянула мне однотысячную купюру.

Анжелике было двадцать два года. Тоже запретили въезд в Россию. В Таджикистане у нее не осталось никого из родных – все давно переехали в Подмосковье. Она русская, но гражданство РФ не успела еще получить, хотя в паспорте у нее был штамп РВП. Все время она плакала, была растеряна. Мы все были растеряны. Но она ведь девушка. В чужом краю, среди незнакомых людей, совсем одна. Ей было страшно. Она не знала куда идти, в какую сторону, кому доверять. Молодая, робкая, наивная, и испуганная.

Ночью было ужасно холодно. Водитель сделал два рейса и оставил нас на автобусной остановке. Мы простояли там до семи утра. На рассвете я увидел ту самую заставу почти прямо перед собой, действительно в десяти минутах ходьбы. Я был прав. А водитель нас привез какими-то кругами. Всю ночь мы двигались, чтобы не замерзнуть. Один молодой парень из Узбекистана, который на автобусе пытался добраться до России, и был выдворен, имел большую спортивную сумку. Все остальные были налегке – без багажа. Так вот, я сообразил, что если он собирался в Россию, то обязательно должен был иметь в сумке теплую одежду на зиму. Он порылся в сумке и достал теплую куртку и зимние спортивные брюки. Его размер подходил Анжелике. Я попросил ее накинуть на себя эту одежду. Прежде всего – здоровье, а потом уже красота. Ей стало тепло. Она стала улыбаться. У парня в сумке еще оказался сухой паек: печеньки, булочки, и бутылка воды. Он с удовольствием поделился с нами, и мы перекусили, обманули желудок. Я хотел было костер развести, чтобы как-то согреться, но не нашел вокруг ни одного сучка, ни одной веточки – пустыня.

Утром на попутке мы все добрались до ближайшего города – Уральск, примерно 60 км от той самой остановки, где мы простояли всю ночь. Нашли автовокзал, где была самая дешевая гостиница. Граждане Узбекистана сразу нашли попутку и уехали к себе на родину. Осталось нас четверо, и мы разместились в гостинице. Я сразу стал искать связь с друзьями. Сообщил всем, что со мной приключилось, стал искать деньги, просить у знакомых. Родным своим я не звонил, не хотел тревожить родителей. Закон подлости. Когда очень и очень надо, у всех нет денег. Кто-то обещал через пару дней, кому-то зарплату дадут на днях, а кто-то не поднимал трубку телефона. Наверно, в такие минуты понимаешь, кто чего стоит.

Мы находились в Уральске уже два дня. Куда дальше идти, каждый решал сам. Но я должен был любой ценой добраться до Москвы. Я думал полететь в Домодедово, и, не пересекая границу РФ, то есть, продолжая оставаться в транзитном терминале, добиваться справедливо-

сти – отменить запрет на въезд. Знакомые адвокаты обещали мне помочь. Правда, сразу предупредили, что с ФСБ бесполезно спорить. Даже суды не могут отменить решение ФСБ – так мне сказали. Но я – борец. Если у меня есть хотя бы малюсенький шанс, то я его использую.

Ко мне в комнату зашла Анжелика и поинтересовалась, куда я дальше планирую ехать. Я сообщил ей, что из Казахстана нас в Москву никто не пустит, пограничники уже предупреджали, но вот из Бишкека можно попытаться вылететь туда. Тогда Анжелика протянула мне свой телефон и попросила переговорить с ее мамой. На том конце провода мать Анжелики сильно переживала за свою дочь. Ее голос дрожал от волнения. Она плакала, но пыталась это скрыть. Просила не оставлять ее дочь одну:

– Вы тоже оказывается из Таджикистана. Пожалуйста, не оставляйте мою дочь одну! Прошу Вас, не бросайте ее! Заберите ее с собой! Любой ценой доставьте ее в Душанбе. А там я попрошу знакомых – они ее встретят. Пожалуйста!

– Да Вы что? У меня и в мыслях не было кого-то бросать. Мы здесь друг за друга – помогаем, чем можем. Обещаю, я ее не брошу! Доставлю, куда скажите!

– Тогда не теряйте время. Выезжайте скорее!

– Я бы с радостью. Но у меня пока нет денег. Друзья обещают через два дня.

– Я только что на карту дочери положила деньги. Их должно хватить вам обоим. Пожалуйста, не тяните время. Выезжайте скорее! Я прошу Вас!

Услышав слова своей матери, Анжелика отдала мне банковскую карту, где лежали деньги. Выхода другого не было. Когда мне отправят деньги – не известно. А терять время было не разумно. По крайней мере, это был шанс. В любом случае, если мне отправят деньги чуть позже, я смогу их вернуть Анжелике. С такими мыслями я согласился отправиться в путь.

Мы добрались на такси до города Атырау. Ранним утром оттуда уходил поезд в Алматы. Слава Богу, успели на него. Мы должны были добраться до станции «Луговая», откуда можно пересесть в такси, и добраться до Бишкека.

Двое суток, которые мы провели в поезде, были не простыми для меня. Я почти не спал – охранял Анжелику. Плацкартный вагон был забит, и наши с Анжеликой места, верхние боковухи, оказались в разных частях вагона. Напротив меня разместились группа молодых мужчин, которые недвусмысленно «положили глаз» на Анжелику. Она была единственной в вагоне русской, светловолосой, симпатичной, и молодой девушкой. Парни подозрительно часто проходили мимо нее к проводникам за чашкой кипятка, и будто случайно, теряли равновесие, спотыкались, чтобы слегка коснуться ее. С другой стороны и двое проводников пытались завести разговор с Анжеликой. А ей всего этого не было нужно. И она их послала на три веселые буквы. Мои соседи начали распивать водку, и уже стали вести себя наглее. Я немного понимаю казахский язык – он похож на узбекский. И я понял из их разговора, что они от Анжелики не отстанут. По их пониманию: раз она русская – значит легкодоступная. Я подошел к ней, и предупредил ее:

– Послушай! Вот там мужики на тебя глаз положили. В вагоне они тебя не тронут, тут много людей. Тамбур, туалет – вот там может быть опасно. Чтобы не случилось, в туалет одна не ходи. Если я засну, разбуди меня. У меня чуткий сон, и я сразу встану. Короче, без меня никуда не ходи! Хорошо?

– Тут два проводника подходили. Я их на х** послала.

– Правильно! Так держать! Посылай любого – я отвечу!

В этот момент мужики, уже подвыпившие, пошли в тамбур перекурить. Я подумал: днем они вряд ли что-то сделают. В вагоне полно людей: женщины, дети, старики, молодые люди. Иногда по вагонам ходит наряд полиции. Скорее всего, они дождутся ночи. А что, если я не выдержу и в нужный момент усну – упущу эту девушку. А конфликт этот неизбежный. Это и ежу понятно. Надо было действовать на опережение. Когда конфликт неизбежен – нужно

нападать первым. И я решил поставить все точки над «і» прямо сейчас, пока светло. Я пошел за мужиками в тамбур.

– Здорова, мужики! Сигаретой не угостите? – это было поводом для начала разговора, а так я давно уже бросил курить.

– Да, без проблем, – мне протянули пачку сигарет.

Я прикурил сигарету, и глубоко затянулся.

– Ты откуда, братан? – поинтересовался самый наглый из них. Почему наглый? Он как раз таки больше всех интересовался Анжеликой, и вел себя слишком вызывающе.

– Из Москвы. Домой едем, в Таджикистан.

– Эта девушка с тобой? Ты знаешь ее?

– Эта девушка – моя жена, – ответил я.

– Чо ты пи*дишь? Вы чо-то не похожи на пару. Ты только здесь с ней познакомился. Чо, не так что ли?

– А ты чо так дергаешься?

– Ни ху* себе...

– Веришь-не веришь, похож-не похож. Я тебе что-то должен? Ты кто такой, чтоб я перед тобой доказывал чего-то? Что ты петушишься? Ху*ми тут кидаешься? – наехал я на этого Наглого. И вправду, если мы, допустим, реальная пара, почему я должен кому-то что-то доказывать. Мы что, должны, перед какой-то швалью, демонстративно обниматься, целоваться, и еще вдобавок заняться сексом, только чтоб какой-то урод поверил нам?

– Бля! Зарежу! – заорал Наглый, толкнул меня изо всех сил, и неожиданно для всех достал ножик из кармана.

Вагон и так трясется на ходу, а тут меня еще толкнули. Я ударился спиной об металлический поручень, но не упал. Передо мной стоял вооруженный ножичком Наглый. Его друзья, молча, наблюдали за происходящим, и не вмешивались. Но я же борец. Всю жизнь занимался единоборствами. Более двадцати лет своей жизни я отдал спорту. КМС по греко-римской борьбе, инструктор по рукопашному бою, занимался каратэ, тяжелой атлетикой. Я и по жизни борец. Никогда ничего не боялся, и не отступал. Я вытащил изо рта зубной протез, положил его в карман, и встал в стойку.

– Очата хар г**, – заматерился я по-таджикски. – Ну, сука, давай!

Наглый растерялся и замер на мгновение. Вид мой, конечно, был ужасным. Из-за болезни зубов и десен мне удалили все зубы на верхней челюсти. Оставили только один здоровый зуб. Вот и представьте себе «картину Репина» – лысый и беззубый Колобок, небольшого роста, готовый отбить нож, и вставить его Наглому в одно место. Или вот другое сравнение – эпизод из фильма «Джентльмены удачи», где герой Е. Леонова терроризирует сокамерников в тюрьме: «Моргала выколю!». Представили? Вот и дружки Наглого так подумали. Среди них был один дядька, в белой майке, и с наколками на руках и груди. Похоже, бывший зэк. Сначала он, молча, курил в сторонке – наблюдал. Но тут решил вмешаться. Он остановил Наглого своим голосом. Что-то сказал ему по-казахски, жестко так. Наглый неохотно убрал ножик в карман и ответил тому дядьке:

– А чо он тут выё**вается? Он не у себя дома. Я ж у него спокойно спросил про девушку. Чо не имею право, что ли?

– Все нормально, парень! Успокойся! – сказал уже мне тот дядька.

Мужики стали расходиться. А Наглый все не мог уgomониться.

– А можно я одно слово скажу этой девушке? – спросил он меня.

– Ты мне скажи, я сам тебе отвечу. К ней близко даже не подходи!

Что-то бормоча между собой, мужики покинули тамбур. Наглый пытался доказать своим корешам, что я солгал:

– Да, я отвечаю, он врет. Он ее тут подцепил. Никакая они не пара...

Я остался в тамбуре один. Уходить от разговора, уходить от проблемы – это не выход. Проблема все равно тебя достанет, и в самое не подходящее время. Вот этого допускать нельзя. Если конфликт неизбежен, то надо решительно действовать на опережение, или бить первым. Мужики эти поняли, что я теперь в курсе их «нечистоплотных» намерений, а значит, я сдаваться не буду, и могу им помешать. Похоже, им тоже проблемы не нужны. Вопрос вроде исчерпан, и я одержал, пусть даже кратковременную, но победу. И теперь надо было закрепить эту победу, чтобы у них и мысли не возникло усомниться в моих словах. Мне надо было доиграть свою роль до конца.

Я вернулся в вагон, подошел к нижней боковушке, над которым было мое место, и сел прямо напротив той компании мужиков. Они продолжали пить водку. Заметив меня, предложили рюмку:

– Выпьешь с нами?

– Неа! Я мусульманин! – ответил я.

Я продолжал сидеть и злобно смотреть на них. Злобно. Каким должен быть взгляд мужчины, когда какие-то люди, своими действиями или намерениями в отношении его супруги, оскорбили его, задели его мужскую честь? Я не знаю, как я выглядел со стороны, но я очень старался выразить это состояние в своем злобном взгляде.

Выпив по рюмке, мужики решили оградиться от меня.

– Ты не против, если мы закроемся? – спросили у меня.

Я положительно кивнул головой. Двое из них сняли простыню с постели и натянули ее между двумя верхними койками, с двух сторон заправив углы простыни под матрасы. Получилась импровизированная стена-ширма. Они продолжали там бухать и о чем-то общаться, а я этого теперь не видел. Да и вести себя они стали тише, чем было раньше. Я посидел еще чуть-чуть, и пошел разбираться с проводниками. Теперь победа была безоговорочной. Я был уверен, что все они меня отлично поняли...

В Бишкеке мы первым делом поехали в аэропорт «Манас». Раз в неделю оттуда летали самолеты в Душанбе. Через два дня должен был вылететь очередной рейс. Мы купили билет на этот рейс для Анжелики. Затем вернулись в город и сняли двухкомнатную квартиру. Перед этим купили себе гигиенические принадлежности. Все-таки пять дней мы были в пути – не мылись.

Через два дня я проводил Анжелику в Душанбе. Ее знакомые отзвонились мне оттуда, когда встретили ее в аэропорту. Миссия была выполнена. И теперь надо было решать мои проблемы. Еще пару дней я думал, как мне поступить. Я должен был оказаться в Москве, любой ценой. В Бишкеке я встретил своего друга Илимбека. Он помог мне очень. Оказал огромную помощь. Для меня это было неожиданностью. На что он ответил:

– А для чего нужны друзья, если не в такие моменты?

Примерно через час, как только я приобрел авиабилет в Москву, и вернулся в съемную квартиру, на мой мобильник позвонил неизвестный человек.

– Братан! Ты уже продал швеллер?

– Какой швеллер? – спросил я.

– Я по объявлению звоню.

– Не давал я никаких объявлений.

– Ну, ладно. Извини! Ошибся, значит, – и бросил трубку он.

Подозрительный звонок. Я эту симку приобрел на днях без паспорта. Она была новая. Правда, когда мне оформляли авиабилет, кассирша просила указать номер моего телефона. Теперь было ясно, откуда у этого незнакомца мой номер.

Вечером, за час до моего выезда в аэропорт, в квартиру позвонили. На пороге стояли трое оперов и одна женщина, которая была Домкомом.

– Паспортный контроль! – сказали они мне.

Опера проверили мои документы. Один из них, куда-то убежал с моим паспортом, тогда как двое других продолжали расспрашивать меня о том, о сем: откуда приехал, зачем, куда еду. Я показал им свой авиабилет. Вернулся тот опер с моим паспортом. Они сфотографировали мой паспорт и авиабилет, затем попрощались, и ушли.

Теперь я все понял. Звонок неизвестного по поводу швеллера, позволил им определить дом, где я находился. А «паспортный контроль» выяснил мой точный адрес. Тот опер убежал с моим паспортом, чтобы связаться с начальством и доложить о том, что нашли меня. Но почему меня не взяли? Вот он я – один и без оружия. Их было трое: крепких, и высоких. Могли бы без проблем меня взять. Но решили не трогать. Почему? Тут может быть два варианта: увидев мой авиабилет, они решили дать мне улететь, ведь я ничего не совершил против Кыргызстана; или решили проследить за мной, чтобы я вывел их на возможных своих сообщников. Скорее всего, подумал я, второй вариант.

Итак, на рейс меня не пустили. Утром 15-октября 2016 года, в 04:30, я должен был улететь в Москву из Бишкекского аэропорта «Манас». Но меня отказались регистрировать на рейс – я был в черном списке. Мне выдали справку, предъявив которую на авиакассе, я смогу вернуть себе деньги за билет. Но касса начнет работать утром, и мне надо было дожидаться.

В зале ожидания, где я сидел, меня окружили несколько крепких мужчин в костюмах.

– Умед? Ты что здесь делаешь, братан? – спросил один из них.

– Жду маршрутку, чтоб уехать в город.

– А мы тебя там ждем, на рейс.

– У меня запрет в Россию. Поэтому не пустили на рейс.

– Кофе хочешь попить? Пойдем! Мы угощаем! Потом мы сами тебя в город довезем.

Мы сели в кафе и стали пить кофе.

– Братан! Ты в курсе, почему мы тут?

– Неа!

Один из них показал мне фото-ориентировку на меня.

– Судя по фото, мы подумали: ты высокий и здоровый бугай. Решили брать тебя на погранконтроле. Ждем там, а тебя все нет и нет. Дежурный говорит, только что здесь был. Мы давай тебя искать. Испугались, что потеряли. Почему не сбежал?

– Зачем?

– Что ты на родине натворил? Ты в курсе, что тебя ищут на родине? «Группа 24»?

Тут я понял, что круто облажался. 5-марта 2015 года МВД Таджикистана завело на меня уголовное дело по статье 307 УК РТ (экстремизм) по подозрению в членстве в организации «Группа 24». Согласно решению Верховного суда РТ, «Группа 24» является экстремистской организацией, и ее деятельность на территории Таджикистана запрещена. Я был объявлен в международный розыск. А согласно действующего законодательства Российской Федерации, уголовное преследование на родине является основанием для запрета на въезд в РФ. Именно поэтому ФСБ не пустил меня в Россию. Все это я прекрасно знал, и поэтому не хотел возвращаться на родину, пытаясь улететь в Москву любым способом.

– Вот вы о чем? – произнес я. – Да, я в курсе, что меня ищут. Но я не виноват. Я не являюсь членом «Группы 24».

– А почему ты не хочешь доказать это на родине? Если не виновен – отпустят.

– Я так не думаю.

– Ладно, допивай кофе! Поедем к нам! Там и поговорим.

Меня привезли в здание ГКНБ Кыргызстана. Начался допрос. В основном их интересовала та самая «Группа 24»: что за группа, какие цели и задачи, почему запретили эту организацию. Я сразу ответил, что об этой организации мне известно по сообщениям из СМИ, и я ничего добавить к этому не могу. Кроме того, я также не имею никакого отношения к деятельности этой группы, и никогда в ней не состоял.

- Тогда почему на тебя завели уголовное дело?
- Скорее всего, на меня кто-то дал показание.
- Показание? Значит, было что рассказать? Так состоял или нет? Только честно!
- Нет! Никогда не состоял! А, показания? Вы прекрасно сами знаете, каким путем они добываются. Я уверен – того человека заставили оговорить меня.
- Какой смысл? Зачем ты им нужен?
- Вот и я не понимаю: зачем я им нужен?
- Чем ты вообще занимаешься?
- Занимаюсь правозащитной деятельностью.
- Критикуешь власть, значит?
- Бывает и такое. Критикую. Разве это преступление? Мы строим демократическое общество. Власть должна подчиняться народу, гражданам. Мы избираем эту власть. Если власть что-то делает не так, мы имеем право критиковать. Не так ли?
- А кого из кыргызских правозащитников ты знаешь?
- Очень многих. Кого-то заочно знаю. С кем-то лично знаком. Многие из них известные люди.
- Ты можешь их назвать?
- Зачем? К моему уголовному делу они точно не имеют никакого отношения.
- Ну, хотя бы одного назвать сможешь?
- Да, откройте интернет! Найдите имя любого правозащитника из Кыргызстана, и считайте, что я его знаю. В правозащитной среде почти все друг друга знают, или слышали. Кто-то более известен, кто-то менее. Не важно. Кто в этой кухне, тот все равно знаком почти со всеми: виртуально или лично.
- Ну, ладно. Хрен с ним. Мы сообщили инициаторам. В общем, за тобой уже едут. После обеда тебя передадут вашим. Домой поедешь.
- И что теперь? Мне придется сидеть?
- Ну, если ты говоришь правду, тебя должны отпустить. Месяца два все равно придется посидеть, пока идет следствие.
- Кыргызские чекисты общались со мной вполне корректно, даже дружелюбно. Однако, один толстый полковник все испортил. Испортил мои впечатления. Капитан госбезопасности, который поехал со мной на авиакасса, чтобы вернуть потраченные на московский рейс деньги, сообщил мне:
- Братан! Ты этих денег не увидишь. Не подумай, мне они не нужны. Просто начальник наш потребовал, чтоб я твои деньги отдал ему.
- Ну, а что я могу сделать? – усмехнулся я. Слабо мне верилось, что это приказ начальства.
- Я предлагаю, знаешь что, давай мы тебе купим что ни будь. Это же твои деньги?
- А что именно?
- Ну, что тебе надо? Лучше ты их на себя потрать. Все равно ты их в руки не получишь.
- Мне нужны теплые вещи. Я по ночам мерзну. Похолодало уже. Неизвестно куда меня отправят и как там.
- Отлично! Мы сейчас поедem с тобой в торговый центр, и купим тебе теплые вещи.
- На том и порешили. В торговом центре он купил мне теплую одежду, мы пообедали вместе, и заправили его тачку. Осталось немного денег, и тут позвонил тот полковник.
- Вот, звонит полковник. Я поставлю на громкую связь, и ты сам убедишься, – сказал капитан, чувствуя, что я не поверил его словам.
- Где вы ходите, бл*ть? – недовольным голосом интересовался полковник. – Ты деньги снял, как я просил?
- Мы в торговом центре были.

– Зачем? Где деньги?

– Мы ему теплую одежду купили.

– На хрена, – возмутился полковник и стал громко орать на капитана, используя нецензурную брань. – Ты совсем там ох**л. Я тебе что сказал?

– Ну, это же его деньги? Он попросил купить теплую одежду. Имеет же право?

– Да, пошли его на х**! Дай ему пинка под зад, пусть не выё*****ется. Сколько осталось денег? Вы все потратили?

– Три тысячи сомов осталось.

– Вот бл**ь. Короче. Стой, где стоишь! Сейчас подъедет мой братишка на белом Камри. Бабки отдашь ему. Понял?

– Хорошо, – ответил капитан и выключил свой телефон. – Слышал? Вот, не дай Бог мне дослужиться до полковника и стать таким. Я лучше застрелюсь, – было заметно, как капитану противно выполнять подобные поручения ожиревшего своего начальника.

– Да уж, – произнес я. Я даже зауважал капитана за его поступок. Понимая, что мои деньги будут присвоены нечистоплотным полковником госбезопасности Кыргызстана, капитан позволил потратить их на мои нужды. А мне было то нужно всего пару теплых вещей. Остальное я сам предложил потратить на совместный обед, и заправить ему тачку, так как он сопровождал меня на своем личном авто. Ну, а оставшиеся три тысячи сомов я не знал, как потратить, и капитан передал его родному брату своего начальника – чтоб подавился.

Из Бишкека меня на самолете переправили в город Ош. Прямо у трапа меня встретили другие чекисты. С ними мы простояли еще минут тридцать на автостоянке. Туда подъехала легковушка с двумя сотрудниками таджикской милиции. Так произошла моя передача.

Таджикские опера сразу связали мои руки строительными хомутами – такие белые, пластиковые, которыми строители пользуются. Кыргызцы вообще не связывали меня. Мы даже по торговому центру шли как обычные люди. Со стороны и не скажешь, что это были арестант с конвоиром. А тут родная милиция мастерски связала мои руки тремя хомутами: по одной на каждую руку в виде браслета, и один хомут для их соединения. Четвертым хомутом прицепили мои связанные руки к подголовнику переднего пассажирского кресла. Хомут на левой руке натянули видимо сильнее, так что он всю дорогу мне резал и царапал руку.

– Если будешь дергаться, мы и твои ноги свяжем, – предупредил опер, сидевший за рулем. Я обещал вести себя смирно.

Уже в машине, по дороге в Таджикистан, опера устроили неофициальный допрос: как, что, когда, и кто. Похоже, это были сотрудники РУБОП УВД Согдийской области. Меня везли в Худжанд. Я настаивал на своем: не в курсе, никогда не состоял, никого не знаю. На что они усмехались:

– Ну, ну. Ничего, у нас ты заговоришь, как надо.

Я сидел спокойно и рассматривал через боковое окно автомобиля красоты кыргызских гор.

– Что? Думаешь, как сбежать?

Мне на голову надели бейсболку и козырек опустили вниз так, что мне были видны только мои ноги. Не доезжая до кыргызско-таджикской границы, где-то в Баткентской области, на мобильник одного из моих конвоиров, видимо старшего по званию, кто-то стал называть. Судя по всему – высокое начальство. Затем он сам стал перезванивать кому-то другому. В общем, начались активные телефонные переговоры: то с одним, то с другим.

– Что там? – спросил второй опер, продолжая управлять автомобилем.

– Требуют доставить его в Душанбе.

– Куда? Куда? Они что там, офигели все? Начальство что говорит?

– На наше усмотрение... Вот так всегда. Ты ищешь-ищешь, а когда находишь, у тебя отнимают, – расстроился Старший.

– Они всегда на готовенькое. Короче, передай им, что я никуда не поеду. Пусть высылают другую машину. В Душанбе я не поеду. Все. Семьсот километров из Худжанда в Ош, и обратно. И еще они хотят, чтоб я в Душанбе повез? Придумай, что ни будь! Скажи, что машина неисправная, или водитель устал. Я действительно устал, не железный ведь. Зачем мне это надо? Я им что, все на блюдечке должен поднести? Нет! Пусть машину отправят. По дороге передадим. Что скажешь?

– У тебя крыша есть? – спросил у меня Старший.

– Какая крыша? – не совсем понял я вопрос.

– У тебя есть покровитель? Чего это звонят мне из Душанбе?

– Откуда я знаю, – ответил я, и под горячую руку получил подзатыльник.

– У него точно кто-то есть, – произнес Старший.

– Да, кто у него может быть?

Границу мы пересекали уже ночью. Через кыргызско-таджикскую границу опера решили перевезти меня по чужим документам, то есть под чужим именем. Ни один пограничник, ни кыргызский, ни таджикский, не удосужился сравнить мое лицо с предъявленным им документом. Я как сидел, наклонив голову вперед в натянутой до глаз бейсболке, так и сидел. Никто не видел моего лица. А если бы таджикская милиция похитила гражданина Кыргызстана, и вывезла незаконно на свою территорию? Должны ли были пограничники проверить документы и удостовериться в том, что перевозят именно меня, а не кого-то другого? Мне кажется, пограничники просто обязаны были потребовать, показать им мое лицо. Этого не было сделано. Таким образом, в моем паспорте имеется только отметка кыргызских пограничников о выезде из Кыргызстана, а вот отметки о въезде на территорию Таджикистана у меня нет.

На перекрестке кругового движения около поселка Дехмой меня пересадили на другое авто. Это были двое оперов из Душанбе. Бейсболку мне заменили на черную шапку-балаклаву. Прорези для глаз повернули на затылок, так что глаза мои были опять закрыты. Кроме всего прочего на мои руки поверх уже натянутых хомутов надели наручники, и также зафиксировали за подголовник переднего сиденья.

Никаких разговоров и переговоров в пути не было. Двое душанбинских оперов всю дорогу молчали. И я вскоре уснул. Не помню, как мы доехали в Душанбе. Разбудили меня уже во дворе какого-то здания. Я ничего не видел, только сквозь волокна шапки я мог различать какие-то силуэты. И то с трудом. Ведь на дворе все еще была ночь. Я вдыхал свежий и влажный воздух. Такое обычно бывает под утро: в районе четырех или пяти часов утра.

Меня повели внутрь здания:

– Осторожно, ступеньки!

Вошли в дверь, сразу повернули налево – еще одна дверь, а за ним лестница наверх. Я держусь за перила слева от меня. Конвоир ведет меня за правое плечо. Я пытаюсь запомнить дорогу, ступеньки, количество перелетов. Зачем? Сам не знаю. На втором этаже мы остановились перед железной дверью с кодовым замком. Конвоир набрал код и открылась дверь. Затем я почувствовал под ногами гладкий кафель на полу, приятный запах какого-то ароматного освежителя воздуха в помещениях. Я понял, что это административное здание.

ЭЛЕКТРОШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ

Меня завели в пустой кабинет. Я попытался что-то сказать, и сразу получил подзатыльник, чтоб заткнулся. Один держал меня за правое плечо, второй засунул лист бумаги под шапку-балаклаву, чтобы окончательно закрыть мне глаза. Сквозь волокна шапки все равно человеку, пусть не четко, но видно. А если добавить лист бумаги, да еще плотно прижать к глазам – ты ничего не увидишь.

Тот первый, который держал меня за правое плечо, ударил ногой мне под колено: сначала одно колено, потом другое. Я вынужденно сел на пол на колени. Затем я услышал, как эти двое вышли из кабинета. Мои руки были связаны спереди, и я бы мог, при желании, открыть себе глаза. Но почему-то я этого не делал. Не могу объяснить: почему? Через несколько секунд в кабинет вошло больше людей. Я ничего не видел, но по звукам – думаю, около четырех человек.

Один встал прямо передо мной и спросил:

– Ты кто?

– Я, Умед Тохиров.

– Член «Группы 24»?

– Нет! Я никогда не состоял в этой группе... – не успел я закончить.

– Что ты врешь? – резко перебил меня Незнакомый, и с размаху, как футболист бьет по мячу, ударил меня ногой в живот.

Удар ногой пришелся чуть касательно в правую сторону живота. Услышав размах ноги, и предвидя предстоящий удар, я слегка уклонился в сторону. Поэтому удар был не болезненным. Но тут сразу подключились другие присутствующие люди. По моей спине нанесли несколько ударов резиновой дубинкой. Ощущение такое, будто бьют железными прутьями. Хотя, так и есть. Ментовская дубинка – она резиновая с наружи, а внутренний скелет состоит из металлической стержни. Я попытался привстать, и сразу получил удар дубинкой по левому бедру, чуть выше колена. Этот удар был такой силы, будто отрубил мою ногу – я упал. Один из палачей наступил ногой мою голову и прижал ее к полу, второй встал ногами на мои ноги – зафиксировали, я не мог двигаться. Кто-то третий обработал весь мой правый бок, от плеча и до голени, нанося непрерывные удары дубинкой. Я стал брыкаться, орать, звать на помощь. Удары продолжались. С трудом мне удалось вырваться. Я встал, но левую ногу уже не чувствовал. Меня продолжали бить. Все мое тело, казалось, горело. Последующие удары я почти не ощущал. Я кричал:

– За что? Кто вы? Не имеете право меня бить! Ай, бл*ть! – снова и снова получал удары дубинкой.

В какой-то момент у меня закружилась голова. Это и не удивительно. Когда у тебя закрытые глаза, и тебя толкают из стороны в сторону, бьют, ты вертишься – ты теряешь ориентацию, у тебя кружится голова, ты не можешь понять, где что находится. Вскоре ты падаешь навзничь. Вот и я упал как столб, даже не пытаясь выставить руки, чтобы смягчить падение. Меня быстро поставили на ноги, и посадили на стул – перерывчик не большой.

Шапка-балаклава мне плотно закрывала глаза, а я почему-то не решался его снять. Испугался? Не знаю. Страх, во всяком случае, я не испытывал. Это было нечто другое. Со мной такое происходило впервые. Мне запретили их снимать, и я как послушный мальчик, который боится ослушаться родителей, не трогал шапку. Более того, у меня были закрыты глаза, и я их не думал открывать. Не могу объяснить – почему. Поначалу мне все казалось интересным. Я все воспринимал не серьезно, как театральное представление, как будто я снимаюсь в каком-то фильме. Думал, а что будет дальше. Даже когда меня били, я воспринимал это как игру. Ну,

блин, такую игру! Били то меня по-настоящему. Все тело горело. До мозга костей я чувствовал удары дубинкой. Видя мое телосложение, а я не худой товарищ, били меня конкретно.

Я попросился в туалет:

– Можно в туалет? Я уже сутки в туалет не ходил. Сейчас прям здесь обоссусь.

– По большому или маленькому? – поинтересовался некто.

– Говорю же, ссать хочу.

– Отведи его на дальняк! – тот же голос отдал кому-то приказ.

Я хромал, с трудом наступал на левую ногу. По количеству лестничных пролетов я понял, что меня привели в подвал. Под ногами я ощущал щебень средних размеров. Такую засыпку обычно делают перед стяжкой дворового покрытия, ну или пола, как в этом подвале. Мы прошли несколько метров, затем меня остановили и повернули налево.

– Сделай два шага вперед! – скомандовал кто-то и слегка толкнул меня в спину.

Я сделал два шага вперед.

– Теперь можешь ссать!

– Куда? Прямо по курсу?

– Прямо!

Пока я делал свое дело, и возвращался обратно в кабинет, я обдумывал свою дальнейшую линию поведения. В кабинете мне позволили сесть на стул, дали в руки чашку горячего сладкого чая – чойи набот. Я выпил не спеша всю чашку, пытался тянуть время. Однако тянуть время было бесполезно. По законам жанра надо колоть подозреваемого сразу, в первые часы, пока он в шоке. Иначе потом он может очухаться, выстроить линию защиты, начать свою игру с операми.

– Ну, что? Говорить будем? – спросил некто и забрал у меня опустевшую чашку.

– Можно снять хомут? Руки режет, – попросил я.

– Подними руки!

Я поднял руки перед собой, кто-то схватил за хомуты и отрезал их ножницами. На руках остались только наручники.

– А глаза можно открыть? – попросил я.

– Пока нет! Ну, так как? Говорить будешь?

– Что сказать?

– Не придуривайся! Ты состоишь в «Группе 24». Мы все про тебя знаем. Нет смысла скрывать от нас. Твой дружок уже все рассказал.

– Ну, если вам все известно, зачем мне что-то говорить? Вы мне все равно не поверите. Вы хотите правду услышать или то, что вам нужно?

– Говори правду! Только не ври! Мы все про тебя знаем.

– Мне нужен адвокат! Без адвоката говорить не буду!

– Хорошо! Будет тебе адвокат! – и тут я получил сильный удар в левое ухо, аж в ухе зазвенело. – Ну, что? Адвоката тебе? Еще дать адвоката?

Этот некто схватил меня за голову и стал наклонять вперед. Поняв, что сейчас последуют удары в голову коленом, я стал защищаться руками. Некто нанес мне несколько ударов коленом в голову. Я не выдержал и вскочил с места с криком:

– Эй! Хорош! Вы что творите?! – я попытался снять с себя шапку и открыть глаза.

Меня схватили сразу несколько человек, и не дали снять шапку. Кто-то схватил за руки, кто-то натянул шапку еще плотнее. И все это сопровождалось ударами по торсу: печень, почки. Наносили ощутимые удары локтем по позвоночнику.

– Еще раз снимешь шапку, я тебе башку оторву. Понял?

– Все, все! Я все понял! – произнес я. – Не надо бить только! Не имеете право бить!

– Ты издеваешься?

– Кто издевается? Это вы меня бьете не за что, – удары прекратились, и я с трудом попытался выпрямить спину, и размять плечи.

– Похоже, он не поумнел еще. Покажите ему, как тюлень прыгает!

В подвале того же здания, меня заставили раздеться догола. Одежду я снял, но шапку не позволили снять, и я по-прежнему ничего не видел. Мои руки застегнули в наручники за спину. Меня толкнули вперед, и я почувствовал под ногами мокрый пол. Сразу последовала подсечка – я упал на бок. Меня повернули лицом вниз. На два моих указательных пальца намотали что-то мокрое, похоже на влажную салфетку. Поверх нее привязали электропровода. Включили электрический ток...

Секунда-две, но для меня это казалось вечностью. Несколько раз включали и сразу отключали ток. Я прыгал на животе, и вправду, как тюлень. Ощущение хреновое, неописуемое. Суньте палец в розетку, и вы поймете, о чем я!

– Подожди! – произнес кто-то из палачей. – Дай, я ему пингвина покажу!

Провода сняли с пальцев, и повернули меня на спину. Одним проводом обвязали мой половой член, другим связали мошонку. Вот это пипец! От удара током я наверно до потолка прыгнул. Дернулся сильно и ударился затылком об пол. Но не голова у меня болела. Я даже не могу точно сказать, где у меня болело. Одно радует, хорошо, что успел сходить в туалет.

Это продолжалось несколько минут с перерывами. Включали ток буквально на пару секунд, и сразу отключали. Я не могу знать, какой мощности был ток. Но, похоже, не убийственный. Хотя, как знать. У каждого человека свой организм, и каждый по-разному переносит удар электрическим током. Сердце человека может не выдержать такой нагрузки. Я несколько раз терял сознание. Но ясно было одно – убивать меня не хотели. Ну, а если мой организм не выдержит, и я все-таки умру – не беда. Ведь официально меня нет на территории Таджикистана. В моем паспорте нет такой отметки. Меня перевозили через границу под чужим именем.

– Ну, что? Теперь ты готов говорить? Или тебе очко порвать? – спросил кто-то из палачей и сразу произнес кому-то: – Тащи дубинку!

Вынести пытки электрическим током может и возможно. Физические истязания также, допустим, можно пережить. Но когда грозят изнасиловать тебя ментовской дубинкой – это уже перебор. Я поверил, что они действительно это могут сделать. Эти нелюди, у которых нет ничего святого, без всяких угрызений совести, хотя откуда у них может быть совесть, способны и не на такое.

Откуда в тот момент у меня появились силы, я не знаю. Пару секунд назад я не способен был двинуться с места. А тут... Я стал брыкаться, сопротивляться, пополз до стены, упершись о стену, встал на ноги.

– Вы что, ох**ли? Вы что творите? Побойтесь Бога! – закричал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.